

КАТАРСИС НЕ ДЛЯ ВСЕХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

которые так и не дождались

18+

Владимир Альянов

Катарсис не для всех

<https://litres.ru/74437574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он умер. Просто и глупо. Как умирают люди, которые слишком долго несут один и тот же груз.

В морге он встретил других таких же — тех, кого жизнь сначала сломала, а потом выбросила. Вместе они пугали санитаров, мстили живым, гуляли по ночному городу и медленно учились самому сложному: прощать.

Один простил отца.

Вторая простила мать.

Они исчезли.

А он так и не смог простить себя.

Теперь он ходит по городу прозрачным. Смотрит, как люди торопятся, ошибаются, любят и предают. Иногда радуется за тех, кто сумел отпустить и получить второй шанс. А сам остаётся. Потому что некоторые двери открываются только изнутри. И он до сих пор не нашёл в себе сил повернуть ручку.

«Катарсис не для всех» — жёсткая и тихая история о том, что даже смерть не освобождает автоматически. Иногда она просто оставляет тебя наедине с тем, что ты так и не смог себе простить.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Альянов

Катарсис не для всех

Глава

1.

Я умер.

Просто вырубился, как старый холодильник в съёмной хате. Конец истории, которую я когда-то жил с каким-то дурацким удовольствием. Ни бабла, ни семьи, ни ребёнка — ничего не нажил. Только воспоминания и пара шрамов на душе. Жил одним днём, будто ещё до рождения мне кто-то сунул в руку инструкцию: «Не лезь в ипотеку на сто лет, лох. Всё равно не успеешь выплатить».

Каждый раз после вечеринок я лез в кошелёк и видел там жалкие копейки. Становилось грустно. Счастье, блядь, действительно продаётся на развес. Но грусть проходила быстро — воспоминания о том, как мы ржали до слёз под дешёвый алкоголь, были в сто раз ярче, чем заваривание третьего чая

из одного пакетика и выскребание ложкой остатков сахара со стенок банки.

Раньше я думал о смерти, как все нормальные идиоты. Представлял себе пафосные версии. А оно получилось бытовому и по-идиотски. Ни боли, ни красивого финала. Лежу на холодной земле, штаны мокрые от собственной мочи, которая давно остыла. Прохожий пытался меня разбудить, орал в телефон: «Человеку плохо!» Ошибся, дядя. Мне сейчас пиздец как хорошо. Завтра тебе на работу, а мне — никогда.

И вот в этой мёртвой тишине, пока тело остывало, в голове полезли воспоминания. Яркие, будто вчера было. Только теперь я вижу то, чего маленький я не понимал.

Детский сад стоял между сопок в забытом богом посёлке. При Союзе тут жизнь кипела, а сейчас доживают те, кто привык, кто не смог свалить и кто решил, что лучше быть крутым в деревне, чем лохом в большом городе. Мне тогда было не с чем сравнивать. Посёлок казался огромным миром.

В нашей тусовке все уже тогда были до жути разными. Девочки в три с половиной года получали первые инструкции от мам: «Мужик должен». Уступи место, пропусти вперёд, не дай сдачи. Мы, пацаны, кивали и принимали правила игры,

не понимая, что это первый урок человеческой хуйни, который будет работать всю жизнь.

А когда одна мелкая бешеная сука начинала дерзить, обзывать и лезть с кулаками — мы стояли в полном ступоре. Бить девочек нельзя. Даже если она реально заслуживает по ебалу. Взрослые улыбались и говорили «девочки — они такие». Уже тогда я видел эту глупость, но не мог назвать её своим именем. Эта тварь вырастет и будет пользоваться индульгенцией всю жизнь. Рано или поздно кто-то не выдержит и влепит. А потом того парня накажут. И она опять останется «правой». Классика.

Среди пацанов тоже хватало уникамов. Некоторые уже в садике были конченными задротами — загонялись какой-то хернёй так, что даже нам, детям, становилось неловко. Все мы катали машинки, мечтали быть Человеком-пауком или Бэтменом, но нормальные пацаны изучали мир руками: ломали, строили, дрались, мирились. А эти... уже тогда репетировали свою будущую серую жизнь за монитором.

Мы были громкими, бессмысленными и отчаянно весёлыми. И уже тогда, не понимая этого, репетировали взрослую жизнь во всей её красе: ложь, двойные стандарты, борьбу за статус и вечное «мне нельзя, а ей можно».

Я лежу тут, на холодной земле, и думаю: блядь, как же рано мы начинаем быть идиотами. Просто тогда это выгляде-

ло мило и безобидно. А сейчас, мёртвому, мне наконец-то всё видно насквозь. И от этого одновременно смешно и так грустно, что хоть плачь.

Прохожий дождался скорую. Вместе с ней приехали и менты. Вокруг начала собираться толпа — эти вечные любители бесплатного шоу. Стоят, пялятся на моё тело, как на свежий труп в сериале. Бабы прикрывают рот рукой, будто это поможет сдержать «ах, какой ужас». Мужики чешут яйца через карман и тоже не отводят глаз.

Зачем, суки? Какой в этом смысл? Просто ещё одно доказательство, что человек — животное, которому до жути интересно смотреть на чужую смерть. Главное, чтобы не свою.

Доктор в синей форме растолкал толпу, присел, приложил два пальца к моей шее, посветил фонариком в уже мёртвые глаза. Убедился, что лечить тут некого, встал и что-то тихо сказал ментам. Те сразу подошли к прохожему и начали его прессовать: как нашёл, что видел, кого видел, а может, это ты его и прикончил, а?

Классика. Даже после смерти человека первым делом ищут, кого бы посадить.

В начальной школе на переменах мы играли в ментов и бандитов. Я, насмотревшись фильмов про итальянскую мафию и наигравшись в компьютерные стрелялки, всегда вы-

бирал сторону «зла». Мне нравилось быть плохим, но благородным. Мафиози в дорогом костюме, с кольцом на пальце, с кодексом чести — вот это было круто по-настоящему.

Ганстерская философия завораживала. А в девяностые, по легендам, которые ходили по посёлку, всё было вообще пиздец как эпично: спортсмены в адидасах выезжали на девятках кошмарить коммерсантов. Беспредел, бабки, власть. Я романтизировал тех, кто якобы жил «по понятиям», а не просто бил и стрелял куда попало. Менты же везде были одинаковые — продажные, циничные ублюдки в погонах. Кто-то умный сказал: не осуждай ментов, журналистов и шлюх — они служат любой власти. Эта фраза засела во мне крепко.

Даже само слово «погоны» меня смешило. Созвучно с «погонялом». А погоняло обычно давали тем, кого можно было послать за пивом. Уже тогда, в начальной школе, я чувствовал эту человеческую глупость: мы играем в роли, придумываем себе красивые маски, а на деле просто репетируем будущую серую хуйню. Одни будут крышевать, другие — стучать, третьи — стоять в толпе и пялиться на труп.

Я не хотел быть ментом. Не хотел носить форму и делать вид, что служу закону в мире, где закона никогда и не было. Лучшие уж быть красивым бандитом в костюме, чем серым циничным служакой.

Я лежу тут и думаю: ничего не изменилось. Толпа всё так

же пялятся, менты всё так же ищут крайнего, а человек с детства учится выбирать между двумя видами говна — и радуется, если получилось выбрать «покрасивее».

Глупость не появляется в тридцать лет. Она с нами с горшка. Просто потом мы учимся называть её «жизненным опытом».

Герой моего детства, тот пацан в начальной школе, который выбирал быть «гангстером в костюме», сейчас бы сильно охуел. Потому что вместо благородного волка он увидел бы стаю жирных шакалов, которые дерутся за объедки у кормушки системы.

Нет больше красивых мафиози. Есть менеджеры среднего звена криминала. Те же самые человеческие пороки — жадность, трусость, желание быть сверху, — просто упакованы в более дорогой костюм и белый Range Rover. Деньги остались. А вот уважения, чести и той самой «настоящей крутости» — почти не осталось.

И вот ты лежишь мёртвый на земле, а толпа зевак вокруг всё так же пялится, менты топчутся, и понимаешь: вся эта хуйня — от детских игр до взрослой преступности — одна большая игра в статус. Только ставки растут, а люди становятся всё мельче.

Грустно, блядь. Но смешно.

2.

Серый уазик почти вплотную подъехал к толпе. Мотор

ровно урчал, выхлоп пах гарью и прогретым маслом. Санитары вытащили носилки — металл тихо звякнул — и попросили людей расступиться. Кто-то сзади громко сглотнул. Шоу заканчивалось.

Меня взяли за запястья и щиколотки. Пальцы санитаров были тёплыми и чуть влажными. Земля под спиной ещё хранила вечерний холод. Переложили на жёсткую ткань носилок, накрыли тяжёлым брезентом — он пах пылью, старой резиной и чужими смертями. Двери хлопнули. Стало темно. Пахло бензином, спиртом и моей остывающей мочой.

Машина тронулась. И память, как назло, открыла другую «буханку».

Квартира после школы всегда пахла одинаково: дешёвая водка, маринованные огурцы, сигаретный дым и чуть-чуть подгоревшим маслом с утра. Мать уехала на учёбу ещё накануне. Отец сидел на кухне в маечке, красный, весёлый и уже пьяный. На столе стояла початая бутылка, нарезанный хлеб, банка шпрот и пепельница из-под них же — полная окурков. Телевизор в комнате бормотал мультики, но я уже не мог усидеть. Сладкого хотелось до злости.

В аптечке на верхней полке шкафа стояла старая жестяная коробочка. Я знал, что там есть витамины — жёлтые, круглые, в сладкой оболочке. Мать иногда давала по одной после обеда. Я пододвинул стул, залез, открыл короб-

ку. Внутри было много всего: пузырьки, блистеры, вата. Одна банка без этикетки. Внутри — маленькие шарики в коричневой глазури. Похоже. Я насыпал себе на ладонь штук пять и закинул в рот сразу.

Горечь ударила так, что глаза заслезились. Я быстро прожевал и проглотил, запивать было нечем. Остался противный металлический привкус. Вернулся к телевизору, сел на ковёр и попытался досмотреть мультик. Через десять минут веки стали тяжёлыми, а в животе поднялась странная теплота, которая быстро перешла в слабость. Я прилёг прямо на пол.

Потом всё поплыло. Отец почему-то сидел рядом на корточках и тряс меня за плечо. Голос был громкий, но доходил будто через вату. Я видел его рот, красные глаза, но ответить не мог — только слабо кивал и снова проваливался. В какой-то момент меня подняли. Ледяной воздух ударил в лицо, когда вынесли на улицу. Фонари растянулись жёлтыми полосами.

В скорой пахло острым спиртом и резиной. Качало. За окном мелькали голые ветки. Низ живота свело тупой, стыдной болью — очень нужно было в туалет. Я попытался сказать, но язык не слушался. Только жалобный звук.

Женское лицо наклонилось близко. От неё пахло холодным воздухом и чем-то аптечным. — Что хочешь, маленький? — Пипи... — получилось почти неслышно. — Семёныч, тормози у обочины!

Машина дёрнулась. Но было уже поздно. Тепло разлилось между ног, постесняться я уже не успел — сознание снова уходило. Последнее, что я почувствовал — её сухую прохладную ладонь на лбу. — Не переживай. Скоро приедем. Всё будет хорошо.

*Потом был яркий свет больничного коридора и унизи-
тельное, бесконечное промывание. Тёплая вода с двух сто-
рон. Горькая витаминка всё ещё стояла где-то в горле. Я
лежал и думал только одно: больше никогда не полезу в ап-
течку.*

Серая буханка остановилась у морга. Дверь КПП скрип-
нула. Никто не торопился. Брезент на мне остывал.

Второй раз в жизни я ехал в уазике лёжа и в собственной
моче. В первый раз меня ещё гладили по голове и обещали,
что всё будет хорошо. Сейчас никто ничего не обещал. Про-
сто везли туда, откуда уже не возвращаются.

Тогда меня отмыли, переодели и оставили жить. Сейчас
просто положат на холодный стол и вскрыют.

Разница — в одной прохладной ладони на лбу. И в том,
что тогда я ещё мог испугаться. А сейчас уже нет.

Свобода.

С самого детства все мечтают стать взрослыми. Не знаю, как у остальных, но для меня «быть взрослым» означало одно — свободу. Самому решать. Не делать то, что велят. Как же я, блядь, ошибался.

Сначала ты подчинён родителям. Потом школе: учи, пиши, стирай с доски, собирай листву на субботнике вместо нормальной физкультуры. Потом приходит возраст, когда указания начинают сыпаться уже от других людей. А тем, кто попал в армию, — вообще пиздец. Не зря говорят «служить». Надел зелёную форму — и ты уже не принадлежишь себе. Ты звено в длинной цепочке: верховный отдаёт приказ генералу, генерал — полковнику, и так до самого низа. А внизу стоит рядовой, который в итоге копает картошку на даче у майора. Испорченный телефон в чистом виде. Вряд ли сверху звучало именно «иди копай картошку, сынок».

При жизни способов почувствовать свободу было немного, и все они были жалкими. Напиться до чертиков. Прыгнуть с парашютом. Выключить телефон. Уйти в лес. Временные побегі. Как будто организм иногда уставал от рутины и требовал «чего-то другого» — лишь бы не работа, не задачи, не начальник.

А сейчас, будучи холодным мясом, я свободен по-настоящему. Плевать уже, что будет с этим мешком, который таскал меня всю жизнь. С рождения я был его заложником. Он командовал: хочу жрать, хочу спать, хочу ебаться, хочу теп-

ла, хочу новизны. Классическое потребительское рабство. Когда организм не получал своего — он устраивал истерику и забирал всё внимание себе. Даже те редкие «свободные» моменты были всего лишь ещё одной его прихотью. Он устал от одного и потребовал другого. Вот и вся свобода.

Теперь мешок лежит и остывает. А я наконец-то никому ничего не должен. Ни родителям, ни школе, ни майору с его картошкой, ни собственному желудку.

Вот она — настоящая взрослость. Только до неё добираться уже мёртвым.

Девочка со вкусом текилы

Когда меня запихнули в тесный холодный ящик и захлопнули дверь, стало тихо, темно и до отвращения скучно. Воспоминания ещё мелькали, но уже не цепляли. Я теперь труп. Скоро разрежут, зашьют, кинут в деревянный ящик и скормят червям. Или сожгут — уж лучше так.

Вдруг где-то за дверью звякнули бутылки. Я дёрнулся. Труп не должен слышать звон стекла. Может, это клиническая смерть? Может, я ещё жив и просто лежу с отключившимся мозгом?

Я попробовал постучать. Рука прошла сквозь металл, как сквозь дым. Я вывалился из ящика прямо в коридор морга.

Дверь холодильника осталась закрытой.

Блядь.

Я реально призрак.

— Эй. Ты не в курсе, что тут происходит?

Голос сзади. Я обернулся.

Передо мной стояла девчонка. Лет двадцать пять. Чёрный короткий костюм, ошейник, шорты, которые обтягивали круглую задницу так, что даже мёртвому становилось не по себе, и глубокое декольте с татуировкой, обводящей грудь. В руках — две бутылки: текила и какая-то травяная дрянь. На поясе, как патроны, торчали шоты и солонка. Классическая текильщица. Моя слабость при жизни. Сколько денег я оставлял таким в клубах за улыбку и налитый шот...

— Привет, — сказал я. — Сам пока нихуя не понимаю. А ты как здесь оказалась? Живая?

Я ткнул её пальцем в плечо. Палец не прошёл насквозь. Ощущение было странное — не тепло и не холод, просто плотность.

— Не знаю, — она поморщилась. — Последнее, что помню: ударилась башкой о барную стойку. Потом всё как в мультике. Мы что, в морге?

— Ага. Два жмура в холодильниках. Я вон из того вылез. С такой компанией скучно не будет. Тем более у тебя есть бухло. Давай выпьем за знакомство.

— Какое нахуй «выпьем»? Я мёртвая! Мне двадцать пять,

блядь!

— А мне тридцать пять. Тоже мало побегал. Значит, так вышло. Расслабься. Ты просто ушла с работы пораньше. И навсегда.

Она посмотрела на меня тяжёлым взглядом, потом тихо выдохнула:

— Наверное, ты прав. Держи.

Протянула бутылку, налила две рюмки. Мы выпили не чокаясь. Ни вкуса. Ни горечи. Ничего. Как при ковиде, только хуже.

— Мда, — сказала она. — Даже набухаться не получится.

Мы сели прямо на холодный пол коридора. Она поставила бутылки между нами и долго молчала. Потом вдруг заговорила тихо, почти по-человечески:

— Знаешь, что самое обидное? Я всю жизнь работала на эти сиськи и улыбку. Клиенты лапали, оставляли чаевые, обещали золотые горы. А я ждала. Всё время ждала, что вот-вот появится нормальный мужик с деньгами. Не какой-нибудь менеджер среднего звена, а настоящий. Чтобы квартиру купил, чтобы можно было наконец выдохнуть и не трясти жопой под музыку каждую ночь.

Она горько усмехнулась.

— Был один. Обычный. Влюблённый по уши. Носил цветы, ждал под клубом, предлагал «давай будем вместе, я буду стараться». А я ему прямо сказала: «Ты хороший. Но мне нужно больше». Он тогда как ударило. А я... я просто не

могла. Деньги решали. Я же не дура. Хороший и бедный — это красивая сказка для фильмов. В реальности хороший и бедный быстро становится уставшим и злым. А я уставать уже устала.

Она провела пальцем по горлышку бутылки.

— И вот итог. Ударилась головой о стойку, на которой столько раз ставила шоты богатым ублюдкам. А тот парень, наверное, до сих пор где-то живой. И, может, даже счастливый. Без меня.

Я молчал. В морге было очень тихо. Только где-то гудел компрессор холодильников.

— Знаешь, — сказал я наконец, — я всю жизнь пытался быть хорошим. Не богатым. Не крутым. Просто нормальным. И тоже нихуя не вышло. Так что мы с тобой, получается, идеальная пара жмуров. Ты ждала денег. Я ждал справедливости. Оба обосрались.

Она тихо рассмеялась. Смех вышел хриплый и короткий.

— Ну и компания. Два неудачника в коридоре морга. С текилой, которая даже не пьянит.

— Зато честно, — ответил я. — Впервые за долгое время можно не притворяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.